

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ТРЕФОВЫЙ ИНТЕРЕС

Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой

Татьяна Бочарова
Трефовый интерес

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бочарова Т. А.

Трефовый интерес / Т. А. Бочарова — «Эксмо»,
2022 — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой)

ISBN 978-5-04-169448-7

Лиза недавно похоронила мужа, а вскоре ее сократили с работы. Она вынуждена сдать квартиру и переехать в деревенский дом покойной бабушки. Жизнь ее постепенно налаживается, но главный сюрприз, приготовленный судьбой, еще впереди. Вскоре в деревню приезжают беженцы, брат и сестра Тарас и Гелена. Лиза нуждается в помощи по хозяйству, поэтому с радостью пускает их к себе в избу. Лиза сразу замечает, что Тарас проявляет к ней весьма недвусмысленный интерес. Ей кажется это невероятным и несерьезным – между ними огромная разница в возрасте. Но женщина сдается и отвечает взаимностью на ухаживания молодого красавца. Лиза летает от счастья, пока не подозревая, что за этот дар судьбы последует суровая расплата...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169448-7

© Бочарова Т. А., 2022
© Эксмо, 2022

Содержание

1	7
2	10
3	12
4	16
5	18
6	19
7	22
8	25
9	29
10	31
11	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Александровна Бочарова

Трефовый интерес

© Бочарова Т., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

**ТРЕФОВЫЙ
ИНТЕРЕС**

Москва
2022

1

... – О оставлении согрешений, во блаженной памяти преставльшихся Господу помолимся.

– Господи, помилуй.

– О приснопамятном рабе Божиим, Евгении, покоя, тишины, блаженныя памяти его Господу помолимся.

– Господи, помилуй.

– О прости ему всякое прегрешение вольное и невольное, Господу помолимся.

– Господи, помилуй...

Елизавета Антоновна слушала батюшку, опустив голову и глядя на носки своих туфель. По щекам текли слезы. «Женька, Женечка, ну как же? Как ты мог так со мной поступить? Ушел, покинул. И что я без тебя? Куда? Всю жизнь вместе, бок о бок, с восемнадцати лет. Детишек Бог не дал, друг дружке были как дети. Слова грубого не сказали друг другу за столько лет. Казалось, никогда это не кончится – жизнь, как сказка, полная нежности, заботы, понимания и доверия. И вот...»

Елизавета Антоновна не удержалась и сдавленно зарыдала. На плечо легла чья-то рука. Ах да, соседка с третьего этажа, как ее, Маша, кажется. Елизавета всегда была малообщительной, а тут дом новый, переехали недавно. С соседями в основном общался Женя, она никого толком не успела узнать за полгода. Эх, зачем радовались, дураки, зачем обставляли новую квартиру? Знали бы, чем обернется этот переезд, сидели бы в старой панельной двушке и не рыпались...

– Вам нехорошо? – участливо проговорила девушка и погладила Елизавету по плечу. – Хотите водички? У меня есть.

Та кивнула и вытерла глаза. Соседка протянула ей пластиковую бутылочку. Почему, откуда она здесь, эта милая девочка? Лиза не помнила, что звала на похороны кого-то из соседей. Девушка словно услышала ее мысли.

– Я не могла не прийти. Евгений Иваныч столько сделал для нас. Мы его всю жизнь помнить будем, такое горе!

Елизавета хотела было спросить, что именно сделал ее Женька для этой румяной, курносой девушки, но у нее не было сил шевелить губами. Она глотнула из бутылки. Вода была с привкусом лимона.

– Легче? – мягко спросила Маша.

– Немного. – Лиза кивнула и продолжила слушать батюшку.

Тот уже заканчивал отпевание. «Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей, молим Тебя об этом, услышь и помилуй...» Священник оглядел притихших людей. В полумраке отчетливо слышалось потрескивание свечей.

– Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему...

Все с ожиданием посмотрели на Лизу. Она на негнущихся ногах подошла к гробу, нагнулась и поцеловала Женю в холодный восковой лоб.

– Прощай, любимый. Мы обязательно встретимся. Дай бог, чтоб поскорей.

– Грех говоришь, сестра, – незлобиво укорил ее священник. – Смерти себе выпрашивать – грех.

Лиза опустила глаза и стала в изголовье гроба. Один за другим подходили люди. Все они казались ей безликими, темными силуэтами на фоне зыбкого пламени свечей. Она не разбирала, кто есть кто. Кажется, эти трое мужчин с Женькиной работы, а вон те женщины – двоюродная сестра и племянница. Родители Евгения давно умерли, родни в столице было мало, в основном все жили в далеком Екатеринбурге, из которого он был родом.

Выйдя из церкви, все погрузились в автобус и поехали на кладбище. Рядом с Лизой все время была Маша. Лица ее она не видела, только руки. Они то и дело обнимали, подавали платок, все ту же бутылку с водой, таблетку валидола.

На поминках неожиданно все взял в свои руки какой-то тучный, лысый толстяк. Он уселся во главе стола и налил водки окружающим.

– Ну, что тут сказать... – Голос у него был низким, басистым, быстро перекрывшим гул, царивший за столом. – Светлая память Жене, Евгению Ивановичу. Святой был человек. Мы с ним лет десять как дружим. Дружили... Золотые руки Господь ему дал. Все-то он мог, все умел. Там, где другой бессилён, наш Евгений Иванович творил чудеса. Мастер с большой буквы.

Лиза слушала и смутно понимала, что этот разъевшийся, самоуверенный боров – не кто иной, как Женин начальник, Пал Палыч. Но что с ним стало? Она помнила его подтянутым, стройным энергичным мужичком. Неужели какие-то пару лет так изменили его? Последний раз они виделись три года назад, на Женькином юбилее.

Толстяк все говорил и говорил, и народ, измученный ранним подъемом, долгим стоянием в церкви и промозглой стужей на кладбище, смотрел на него с плохо скрытой злостью. Наконец он закончил, выпил, не чокаясь, одним махом, и потянулся вилкой к блюду с селедкой. Подцепил кусок с прилипшим к нему луковым колечком и кинул в рот. Сразу все ожили. Стали накладывать салаты, тащить к себе на тарелки колбасу, мазать икру на тонкие лепестки багета...

Лиза почувствовала, что ее тошнит. В рот не лезло ничего, даже кутя. Она выпила водки, и ее передернуло. Захотелось, чтобы за столом стало пусто. Чтобы все эти люди, невесть как связанные с Женькой, исчезли, а сама она оказалась в квартире. Плотно завесила бы шторы, выключила свет во всех комнатах, повалилась на постель и плакала бы, плакала, до сладостной пустоты в голове, до судорог в горле, до того, как слезы полностью не иссякнут, а боль не станет тупой...

Поминки тянулись длинно и мутно. Несколько раз к Лизе подходил Пал Палыч. На локте у него висела совершенно пьяная, дебилая блондинка с размазавшейся под глазами тушью, его супруга. Пал Палыч тискал Лизину руку – пальцы у него были мясистыми и потными. От него пахло отвратительно резкими духами и табаком.

– Милая, вы не думайте, я вас не оставлю. Помогу, если что. Даже не сомневайтесь.

Лиза кивала, невольно стараясь задержать дыхание, чтобы не слишком глубоко вдыхать эту гремучую смесь...

Потом вдруг все закончилось, внезапно и сразу. Стол опустел, народ толпился в дверях. Кто-то целовал Лизу на прощание, оставляя на щеках следы от помады. Официант с сонным видом собирал на тележку грязную посуду. Подошла Маша, взяла Лизу под руку.

– Муж приехал на машине. Мы отвезем вас домой.

– Да, хорошо, – прошелестела Лиза, забыв сказать спасибо.

Когда за Машей захлопнулась дверь, она зашла в спальню. Шторы были задернуты с ночи, Лиза их так и не открыла. Следуя своим мечтаниям, она прилегла на широкую, двуспальную кровать, покрытую шелковым покрывалом, и хотела заплакать, но слез не было. Напрасно Лиза морщилась, терла глаза и даже пыталась симитировать рыдания, издавая характерные звуки. Ни слезинки. Она встала и подошла к комоду, на котором стояла фотография Женьки в наспех сделанной траурной рамке. Он улыбался Лизе теплой веселой улыбкой счастливого благополучного человека. Таким он и был...

«Женька. Сердце твое было огромным и нежным, умело дарить любовь. Оно казалось таким крепким, а на самом деле было слабым и больным. И разорвалось в один момент. Бедное сердце, уставшее от постоянной гонки, от тревог и волнений, привыкшее брать всегда на себя. Бедное, бедное сердце...»

Лиза осторожно погладила фотографию. Затем пошла в кухню, налила воды в стакан и выпила залпом. Ей стало немного легче. Чуть-чуть. Она подумала и сунула в рот белую, продолговатую таблетку из упаковки, что дала ей перед уходом Маша. Таблетка была безвкусной и пахла пластмассой. Вскоре глаза стали слипаться, ноги отяжелели и с трудом повиновались. Лиза вернулась в спальню, откинула покрывало и улеглась на мягкие пуховые подушки. Тотчас ее сморил сон, крепкий, густой, без сновидений.

2

На работе на Лизу смотрели с жалостью. Наверное, она ужасно выглядела. Целую неделю просидела дома и вышла ненакрашенная, с темными кругами под глазами, с искусанными, сухими губами.

– Елизавета Антоновна, вас к начальству, – сказала ей в середине дня секретарша Надюша.

К начальству? В первый же день, как пришла? Что, интересно, от нее хотят? Может, материальную помощь предложат? Вроде у них так принято.

Лиза не спеша поднялась на второй этаж, где находился кабинет директора их крошечного НИИ, оставшегося еще с советских времен, чудом пережившего лихие девяностые, смутные нулевые и как-то умудрившегося встроиться в современную экономику. Лиза постучала в широкую, выкрашенную коричневой краской дверь.

– Входите, – послышался голос Сергея Митрофановича.

Директорствовал он недавно, всего год, а до этого на его месте сидел мировой мужик, Леонтий Петрович. Полтора года назад Леонтия не стало. Его обязанности сначала исполнял зам, Геннадий Семенович, затем его почему-то убрали и прислали, как выразились, «молодые кадры». Сергей Митрофанович действительно был молод, всего тридцать шесть лет, два образования, техническое и экономическое, и море гонору. Начал он с глобальных кадровых перестановок. Затем заставил написать заявления по собственному чем-то не угодивших ему сотрудников. Ввел новую систему поощрений и штрафов. На этом его деятельность, слава богу, притормозилась. Люди вздохнули с облегчением и, перестав ждать подвоха, вернулись к работе.

Лиза зашла в кабинет. Сергей Митрофанович сидел за огромным столом, заваленным бумагами, и смотрел в монитор.

– Вы звали меня? – спросила Лиза.

Он поднял на нее прозрачные, голубые глаза.

– Да, звал. Присаживайтесь, Елизавета Антоновна.

Тон у директора был мягкий и сочувственный. Лиза окончательно успокоилась и села на диванчик, стоящий у одной из стен.

– Как вы? – Взгляд Сергея Митрофановича скользнул по ее лицу.

– Ничего. Спасибо. Понемножку.

– Примите мои глубокие соболезнования. Очень, очень жаль.

– Спасибо. – Лиза почувствовала, как задрожали губы.

– Я распорядился, чтобы бухгалтерия выписала вам матпомощь. Там не так много, но все-таки хоть какое-то подспорье. Я же понимаю, какие сейчас у вас расходы.

– Спасибо, – снова повторила Лиза.

Значит, правильно она предположила. Молодец этот Митрофанович. Зря его народ чихвостит, мол, молодой, да ранний, бездушный карьерист. Вовсе не бездушный. Он смотрел на нее внимательно, оценивая, какую реакцию вызвали его слова.

– Деньги придут в следующем месяце, то есть через неделю-полторы.

– Спасибо, – в третий раз повторила Лиза, ощущая неловкость. Наверное, надо быть более эмоциональной, сказать больше слов благодарности. Но внутри у нее все словно оцепенело, и слова не шли с языка. – Я могу идти?

– Да, можете. Хотя... нет. Погодите. Я не хотел сегодня об этом говорить, но с другой стороны, зачем тянуть?

– О чем? – не поняла Лиза.

Сергей Митрофанович уперся взглядом в столешницу.

– Понимаете, Елизавета Антоновна, сейчас трудное время. Оно диктует новые условия, весьма жесткие. В этих условиях выживет сильнейший, как говорится.

Лиза ничего не понимала. Куда он клонит, этот милый мальчик с напомаженным чубчиком и рыбьими глазами?

– ...Пенсионерам не место в нашем институте. Пора дать дорогу молодым.

– Но я не пенсионерка! – Лиза наконец все поняла. Ее хотят уволить! Подсластить горькую пилюлю матпомощью и взять на ее место какую-нибудь зеленую девчонку с нарощенными ногтями, которая ничего не смыслит в профессии, зато разбирается в таблицах на компьютере. – Мне до пенсии еще несколько лет, – твердо сказала Лиза, собрав в кулак последние силы.

Сергей Митрофанович благодушно покачал головой:

– Это не имеет значения. Годом раньше, годом позже. Нам нужны новые кадры, современные, оснащенные прогрессивными знаниями.

– Вы хотите, чтобы я написала заявление по собственному желанию? Как те, остальные? – Лиза взглянула в водянистые глаза директора.

Тот спокойно выдержал ее взгляд и кивнул:

– Хочу. Поймите, так будет правильной.

– Для кого правильной?

– Для нашего дела, – жестко ответил он.

– Но я... как же мне жить? На что? – Лиза почувствовала отчаяние. – Где я сейчас найду работу? У меня даже пенсии еще нет!

– Вот поэтому матпомощь, – спокойно проговорил Сергей Митрофанович. – Там приличная сумма. Ее хватит на несколько месяцев. Ну а потом... – Он слегка прищурил глаза. – Разберетесь. Есть много вариантов, как обойтись без работы. Например, сдавать квартиру.

– А жить? Где жить?

– Подыскать что-то поменьше, поскромнее. Обратитесь в соответствующее агентство, вам помогут. У меня мать так сделала и не жалеет. Разницы в ценах вполне хватает на безбедное существование.

– Лучше бы вы помогли своей матери деньгами, – дрожащим голосом проговорила Лиза.

Ей хотелось закричать, обругать этого зарвавшегося мальчишку последними словами, в конце концов хлопнуть дверью. Но ничего этого она не сделала.

– Я учту ваш совет, – все так же невозмутимо произнес Сергей Митрофанович. – А сейчас не смею больше задерживать.

3

Лиза не помнила, как спустилась и дошла до своей комнаты.

– Елизавета Антоновна, что случилось? На вас лица нет. – Сидевшая у окна Оля Морозова вскочила и подбежала к ней. – Вам плохо? Может, «Скорую»?

– Девочки, меня увольняют. – Лиза тяжело опустилась на первый попавшийся стул.

– Как увольняют? – ахнула черноволосая Мария Витальевна. – Не может быть!

– Может. Только что сам сообщил.

– Не имеют права, – уверенно проговорила Иришка Коваленко, самая молодая в отделе и осведомленная обо всех юридических тонкостях. – Вы в суд на него подавайте. Выиграете, сто процентов! Предпенсионеров не положено увольнять.

– Верно, Лиза, надо судиться, – поддержала ее Мария Витальевна.

Оля тем временем вскипятила чайник и налила Лизе крепкого чая.

– Вот, выпейте. С шоколадкой.

Она помотала головой:

– Не хочу. Ничего не хочу. И судиться тоже.

– Елизавета Антоновна! – Иришка осуждающе покачала головой. – Мы все понимаем. Утрата. Горе. Но надо же как-то жить. Нельзя наплевать на себя. И кто вообще придет на ваше место? Вы ценный специалист, с опытом работы.

– Не нужны нашему руководству никакие специалисты, – с горечью проговорила Лиза. – И... ладно, девочки, напишу я это заявление. Как-нибудь...

Она не сдержалась и заплакала. Добрые девчонки накапали ей валерьянки, заставили выпить чая, снабдили бутербродами с красной рыбой и вкусными конфетами. Иришка даже хотела поговорить с директором лично, но Лиза категорически отказалась. Остаться здесь Христа ради и все время помнить о том, что ее могут выдворить в любой момент – это казалось ей еще более тяжелым, чем в одночасье оказаться без средств к существованию. Она с трудом досидела до конца дня и ушла домой.

Зайдя в квартиру и едва сняв пальто, Лиза открыла ящик комода в гостиной и достала оттуда все документы на квартиру, а также платежки, договора на мелкие кредиты и прочее. Аккуратно разложив все это на столе, она с полчаса изучала бумаги. Слава богу, квартиру они с Женькой купили за наличку, не прибегая к ипотеке, а то сейчас был бы караул. Выплаты по кредитам на мебель и технику составляли около семи тысяч в месяц. Не много, но если учесть, что доходов ожидается ноль, то сумма чувствительная. Лиза подумала и, отыскав в интернете надежную, как ей показалось, фирму, позвонила туда. Ей ответила милая девушка.

– Да, конечно, мы поможем вам сдать квартиру. Я сейчас пришлю свой номер, а вы мне киньте в мессенджер фото документов и просто пощелкайте комнаты и кухню. Ну и санузел тоже не забудьте.

На том они и распрощались. Лиза все сделала, как велела менеджер: сфотографировала выписку из Росреестра, потом сделала около десяти снимков квартиры и все это отослала на присланный ей номер. В ответ пришло «ок» и веселый смайлик. На следующий день ей позвонили.

– Есть жильцы на вашу квартиру. Сегодня вечером посмотрим и можно заключать договор.

– Уже сегодня? Так быстро? – испугалась Лиза.

Ей казалось, что такие вещи делаются гораздо дольше.

– Конечно, – пророкотал на другом конце юношеский басок. – Чего тянуть.

Вечером пришла молодая пара. Он высокий, худой и длинноносый, похожий на выросшего Буратино, она хорошенькая пампушечка, едва достававшая ему до груди. С ними явился

молоденький агент Сережа. Все трое нацепили бахилы и по-хозяйски ходили по квартире, разглядывая обстановку и делая какие-то замечания, вроде «ванная тесновата», «освещение не супер» и так далее.

Лиза потерянно бродила за ними следом, и ей отчаянно хотелось, чтобы непрошенные гости куда-нибудь испарились и все стало как прежде. Оглядев квартиру, вся троица уселась за стол. Сережа зачитал Лизе договор. По нему она должна была пустить квартирантов ровно через неделю. За это время ей самой следовало подыскать жилье поскромней и подешевле.

– У меня есть варианты, – сказал Сережа, когда молодые скрылись за дверью. – Вот. – Он сунул Лизе под нос смартфон.

Вариантами оказалась однушка в Котельниках, комната в коммуналке на Полежаевской и апартаменты на Окружной. Мало-мальский ремонт имелся только в апартаментах, однако площадь их была всего шестнадцать метров.

– Зато есть второй этаж, – похвастался Сережа и показал фотку антресолей, к которым была приставлена деревянная лестница, наподобие шведской стенки.

Лиза представила, как будет карабкаться по ней, и замахала руками:

– Нет, нет, лучше уж Котельники.

– Отлично, – обрадовался Сережа. – Когда поедem посмотреть?

– Завтра воскресенье, вот и поедem.

Назавтра Сережа заехал за Лизой на машине и повез ее в Котельники. Квартира оказалась в двадцати минутах езды от метро на маршрутке, убитая в хлам, с облезшими обоями и осыпавшимся потолком. Первым, кто вышел их встречать, был огромный рыжий таракан. Он выполз из комнаты на дырявый линолеум в прихожей, шевеля роскошными длинными усами. Лиза вскрикнула, а Сережа, не поморщившись, наступил на таракана ногой. Очевидно, подобное действие было для него привычным.

– А где хозяйева? – спросила Лиза, с тоской оглядываясь по сторонам.

– Хозяйка недавно умерла. Квартиру сдает ее сын. Он не приедет, ему некогда. У меня доверенность.

– Ясно, – обреченно проговорила она и поспешила обратно за порог.

– Куда вы? – удивился Сережа. – Ванную не будете смотреть? А кухню?

– Не буду. И так все ясно.

Лиза стала спускаться по лестнице. Сережа шел за ней и на ходу приговаривал:

– Смотрите, вариант нормальный. Мужик за нее хочет совсем немного, всего тридцатник.

Ну плюс залог и комиссия.

Лиза слушала его и подсчитывала: разница между сдачей своей двушки и съемом этой развалюхи составит тысяч тридцать, не больше. Семь тысяч уйдет на кредиты, еще семь на коммуналку. Плюс проезд на маршрутке туда и обратно хотя бы несколько раз в месяц – не может же она сидеть в такой дыре безвылазно, ей захочется выбраться в центр, сходить в театр, в филармонию, просто пройтись по Тверскому бульвару или Большой Никитской. Итого останется около пятнадцати тыщ на все про все. На эти деньги можно только питаться, ну иногда покупать себе что-то из одежды.

– Знаете, нет! – решительно произнесла Лиза и сама удивилась, как громко прозвучал ее голос.

Агент обернулся и посмотрел на нее с удивлением.

– Нет? Но ведь дешевле вариантов вы не найдете. Это будет комната или студия без кухни.

А тут все же отдельная квартира.

– Я передумала, – почти весело проговорила Лиза.

– Не будете сдавать квартиру? – Парень сделал отчаянные глаза.

– Нет, квартиру свою буду сдавать. А вот снимать – нет.

– Где же вы станете жить? – полюбопытствовал Сережа.

– Найду.

Лиза махнула рукой и, толкнув тяжелую дверь подъезда, вышла на улицу.

– Я подвезу вас до метро, – предложил агент, явно заинтригованный ее поведением.

– Не нужно. Сама доеду.

Лиза зашагала к остановке, к которой уже подъезжала маршрутка.

– На связи, – робко вякнул Сережа ей в спину.

Она кивнула, не оборачиваясь. Маршрутка была набита битком и ползла медленно, как улитка. Лиза висела на поручне, покачиваясь из стороны в сторону, и думала, как ей быть. Квартиру-то она сдаст, тут двух мнений быть не может. Но куда ей деваться после этого?

Идей было несколько. Одна – уехать в Питер к подруге Соне. Та тоже недавно потеряла мужа, часто звонит и плачет в трубку. У Сони двухкомнатная квартира, Лиза могла бы поселиться в маленькой комнате и вносить в общий бюджет часть денег от сдачи. Они с Соней ходили бы по музеям и театрам, гуляли по Невскому, а вечером сидели бы в кондитерской «Север» и баловали себя пирожными и кофе. Мысль показалась Лизе весьма разумной и правильной. Надо будет сегодня же позвонить Соне и предложить такой вариант.

Другая идея – поискать в собственном доме молодую семью с ребенком, в которой нет бабушек и дедушек. Ребенок, конечно, должен быть не слишком маленьким, в идеале младший школьник. Лиза могла бы жить в семье, водить отпрыска в школу и обратно, делать с ним уроки, а также отвозить на всевозможные кружки. Иначе говоря, подыскать себе место няни с проживанием. Пожалуй, это было бы самым выгодным – ни от кого не зависеть, нянчиться с малышом, да еще возможно, ей бы платили хоть какую-то копеечку. Однако Лиза не была уверена, что в их доме или даже районе найдется такое семейство. Все-таки одно дело – приходящая няня, и совсем другое – постоянно живущая в квартире чужая тетка. Все же Лиза решила, что попробует проработать этот вариант и расклеит по району объявление.

Третий вариант был самым простым, но и мало соблазнительным. Лиза могла уехать в деревню, где раньше жила ее бабка, и от нее остался небольшой, но вполне крепкий зимний дом. Бабуля умерла десять лет назад, пережив Лизиних родителей. С тех пор она с мужем была в деревне раз пять, а то и меньше. Оба работали, деревенский быт не любили, к огородничеству были равнодушны. Дом, конечно, нужно отремонтировать, по-хорошему, перекрыть крышу, заново покрасить, починить упавший кое-где забор, сделать нормальную, современную канализацию. Все это рукастый Женька мог осуществить играючи, но не было у супругов желания впрягаться в подобное предприятие.

Деревня далеко от Москвы, пять часов езды на машине, часто не наездишься. Нужно там жить хотя бы пару месяцев в году, а Лиза и Женька любили в отпуск съездить к морю, погреться на солнышке, попить Пина-каладу, отведать краба и так далее. Гнуть спину на грядках не входило в их планы. Несколько раз речь заходила о том, чтобы продать дом, но стоил он копейки, и Лиза решила оставить все как есть. Что ж, как самый последний запасной вариант, и это сгодится.

Она не заметила, как доехала до дома. Шла на автопилоте, погруженная в свои мысли. Дома Лиза решила сразу взять быка за рога и позвонила Соне.

– О, привет, Лизхен! – Сонин голос звучал непривычно бодро. – А я как раз о тебе вспоминала.

– Это хорошо, что вспомнила, – обрадовалась Лиза. – Послушай, нам надо кое-что обсудить.

– Да, да! – подхватила подруга. – Я тоже хотела с тобой посоветоваться.

Лиза ушам не поверила. Неужели Соньке пришла в голову та же мысль, что и ей? Вот здорово, две одинокие немолодые дамы будут вместе коротать свой досуг. Соня уже на пенсии, времени у нее пруд пруди.

– Я тебя внимательно слушаю, – проговорила она, улыбаясь.

– Лизка, представляешь, я встретила мужчину! – Голос Сони звенел от возбуждения. От неожиданности она чуть не выронила трубку.

– Мужчину? Ты?

– Да! Он военный. Майор в отставке. В прошлом летчик. Красивый, умный. Мы с ним познакомилась в Эрмитаже. Он из Петрозаводска, приехал в Питер на выходные. Вдовец.

Лиза слушала и понимала, что первый вариант провалился с треском. Майор из Петрозаводска мечтал поселиться у Сони в центре Питера, ходить с ней по музеям и театрам, ужинать в ресторанах и даже заниматься любовью. И для Сони это было куда предпочтительней, чем видеть на его месте Лизу.

– Жить нам вместе или нет, как считаешь? – выпалила Соня.

– Конечно, жить. Даже не сомневайся.

– Ты прелесть. Лизхен, я тебя обожаю! Приезжай в гости, познакомлю тебя с Аликом.

– Приеду обязательно, – пообещала Лиза и нажала на отбой.

Она не спеша пообедала, хотя есть почти не хотелось. Затем нарезала бумагу и сочинила объявление: «Возьму на себя заботы о вашем ребенке в течение всего дня. Взамен – проживание на вашей территории. Спокойная, ласковая, без вредных привычек. Елизавета». В конце она приписала номер своего мобильного. Оделась, вышла на улицу и больше часа бродила по окрестностям, расклеивая листочки на стены, подъездные двери и столбы. Первый звонок раздался уже вечером. Звонил мужчина.

– Елизавета? – Голос у него был приятным, бархатистого тембра.

– Да, это я, – волнуясь проговорила Лиза.

– Я по поводу няни. У меня дочь. Ей семь лет, первоклассница. Нам нужна такая девушка, как вы.

– Отлично, – слегка смутилась Лиза. – Но я... я не совсем девушка.

– В смысле? – не понял мужик.

– В прямом смысле. Мне за пятьдесят.

– Так много? А что ж вы подписываетесь Елизавета? – в его тоне прозвучала досада.

– Ну, так вроде принято сейчас, – растерялась Лиза. – Мало кто называет себя по имени-отчеству.

– Простите, но вы нам не подходите. Нам нужна девушка, в крайнем случае, молодая женщина до тридцати пяти. Извините за беспокойство.

В трубке послышались короткие гудки. Лиза почувствовала, что краснеет. Интересно, для чего отцу девочки девушка в доме? И как на это смотрит мать малышки? Впрочем, какое ее дело...

Она решила терпеливо ждать других звонков, но их почему-то не было. Один раз позвонила какая-то хамоватая тетка, долго расспрашивала Лизу о том, какое у нее образование, есть ли опыт работы с детьми, и узнав, что образование техническое, а опыта нет, обругала ее шарлатанкой и кинула трубку.

Дни бежали один за другим. Лиза продолжала ходить на работу, но написала заявление об увольнении. Ей надлежало отработать две недели, и потом она была свободна, как ветер в поле. Каждый день звонил Сережа. Он волновался, не передумала ли Лиза сдавать квартиру. Она отвечала, что не передумала.

По вечерам Лиза методично и тщательно упаковывала вещи в коробки и чемоданы. Убрала альбомы с фотографиями, книги, которые особенно любила и периодически перечитывала. Через две недели жильцы внесли залог. Лиза вызвала такси, заплатила водителю за то, чтобы он помог ей погрузить в багажник многочисленный скарб, и уехала в Тульскую область, в деревню Сомово.

4

Дом стоял поникший и озябший, – бревна серые, окна темные, потускневшие. Такси остановилось у кособокого деревянного забора. Водитель молча стал выгружать пакеты и коробки. Вид его выражал сочувствие.

– Ну и куда вас? – не выдержал он, подходя к просевшему крыльцу по мокрой дорожке. – Небось дети сослали? На квартиру позарились?

– Никто меня никуда не ссылал, – спокойно проговорила Лиза, доставая из сумочки тяжелую связку бородатых ключей. – Сама я. С работы уволили, жить не на что. Вот квартиру и сдала.

– Сволочи, – выругался мужик. – Совсем озверели! Что творят! Уволить вас? Вы ж еще совсем молодая. – Он остановился и посмотрел на Лизу. В серых глазах, утонувших в складках век, зажглась улыбка, удивительным образом осветившая его темное, простоватое лицо. – Молодая, – повторил он потише, поколебался чуть-чуть и добавил: – А я ведь родом-то из ваших краев, да. Тетка у меня километрах в двадцати отсюда, в Опалихе. Слыхали про такую?

– Нет, не слыхала. – Лизу стал раздражать таксист.

Явно хочет поболтать, а то и познакомиться. Но на что он ей? Никто не нужен после Женьки. Никто! И ступни в тонких сапожках уже стали стынуть на мокрой земле. Лиза переступила с ноги на ногу и невольно поежилась. Мужик словно очнулся.

– Эх, заговорил я вас. Вижу, что не до бесед. А только нелегко вам будет здесь жить-поживать. Дом-то старенький, ему мужские руки нужны. Замаетесь одна в деревне.

– Как-нибудь, – нетерпеливо проговорила Лиза.

Ей хотелось уйти с улицы, чтобы этот водила наконец отвязался от нее и уехал восвояси.

– Ладно. – Шофер сходил к машине, принес последний чемодан и спортивную сумку, поставил их на крыльцо рядом с кучей других вещей. – Удачи вам. Вы сильная, справитесь. И красивая. – Смутившись, он, опустил глаза.

Лиза невольно бросила взгляд на его руки – тяжелые, с широкими ладонями и короткими сильными пальцами. Они немного напомнили ей Женькины. Она так любила их трогать, гладить, прижимать к груди! Руки мужчины, привыкшего с ранних лет к физическому труду. Надежные, умелые, удивительным образом способные быть ласковыми и нежными. Хотя Лиза глянула лишь мельком, от водителя не укрылся этот взгляд. Глаза его снова зажглись.

– Вот. – Он полез за пазуху. – Держите. – На его ладони лежала маленькая, ламинированная карточка-визитка. – Володя. Силантьевы мы. Если чего потребуется, звоните, не стесняйтесь. Приеду, подмогну.

– Да что вы, – замахала руками Лиза, – даже неловко. Ехать-то сюда замучаешься. Вы ж не у тетки живете, а в Москве.

– Ну и что, – упрямо возразил мужик. – Доеду, не впервой. И машинка у меня крепкая, моя она, не арендованная. Домчит с ветерком. Вы берите, мало ли что. – Он, не дожидаясь ответа, сунул визитку Лизе в руку.

– Спасибо. Я, наверное, вам должна еще что-то за разгрузку?

Он покачал головой:

– Ничего не должны. Женщинам надо помогать, особенно таким. Ну, я поехал. – Таксист развернулся и зашагал к калитке.

Лиза смотрела на его широкую спину, и в сердце закрадывался холодок тревоги. Сейчас он уедет и как она тут одна? Впрочем, почему одна, есть же рядом соседи. Вот за оградой всюду дымит труба. Значит, хозяйева дома, топят печь. Вон и еще дымок, и еще. А напротив через дорожку надрывается лаем цепной пес. Мир не без добрых людей, помогут.

Рявкнул мотор. Таксист Володя газанул и умчался по раскисшей весенней дороге. Лиза постояла немного на крылечке, затем вздохнула и принялась отпирать старую, растрескавшуюся дверь.

5

Мужик оказался прав. Трудности подстерегали Лизу с первых же минут и на каждом шагу. Она еле справилась с проржавевшим замком, потратив на это уйму времени. Затем с не меньшим трудом отыскала в сарае пригодные для топки поленья. Пришлось взяться за топор, потому что их оказалось слишком мало. Дальше последовала борьба с печкой. Она дымила, чадила, отсыревшие дрова ни за что не хотели схватываться. Наконец, когда Лиза уже была в отчаянии, с ног до головы перемазанная копотью, полешки вдруг вспыхнули и весело затрещали. Она прикрыла заслонку и в изнеможении опустилась на старенький деревянный стул.

Прошло четыре часа, как она здесь. Четыре! А в доме по-прежнему холодрыга, воды нет, ее надо достать из колодца и принести в комнату. А еще – подмести пол, покрытый клубами пыли, перестелить кровать, разобрать старый бабушкин шифоньер, повесить туда свою одежду, расставить книги на полках. Ну и сварить что-нибудь поесть – с утра у Лизы в желудке не было ничего, кроме чашки кофе и бутерброда.

Она заставила себя подняться. Сходила в сарай за ведрами, принесла воды. Попробовала разжечь плитку, но газ, разумеется, давно закончился. Слава богу, печь всю разгорелась, и Лиза вскипятила воду, сварила себе гречку и пару яиц.

За стол она уселась, когда на дворе уже стемнело. По комнате разливалось блаженное тепло, в печке гудел огонь, уютно булькал на комодке блестящий электрический самовар, который они с Женькой когда-то привезли бабушке в подарок. Кажется, она им и не пользовалась никогда, во всяком случае, выглядел он как новенький. Глаза у Лизы слипались, тело ныло от долгой физической работы. Но она с гордостью оглядывала дело рук своих: подметенную горницу, дочиста отмытую большую дубовую столешницу, постиранные шторы, висящие в углу на веревке. Основной фронт работ, конечно, еще впереди. Лиза с опаской покосилась на груды тюков, стоящих у порога. Ну, это, естественно, не на один день. Тут неделю разбираться. А сейчас – спать!

Она собрала грязную посуду, замочила ее в тазике и ушла в маленькую спальню, где стояла роскошная, высокая, старинная кровать с никелированными шишечками и пуховой периной, в которой можно было запросто утонуть. Лиза покрыла матрас свежей простыней, привезенной из дому, вдела в пододеяльник толстое пуховое одеяло, взбила три шикарные подушки и наскоро облачившись в ночнушку, рухнула во все это великолепие.

За окном еще кипела жизнь. Продолжал надрываться соседский пес, где-то визжала пила, слышались детские крики. В углу мерно тикали бабкины ходики, которые Лиза ухитрилась завести. Дом тихонько потрескивал старыми бревнами, словно укачивая ее, напевая колыбельную: «Спи, усни. Хорошо, что ты здесь. Вместе нам будет веселей. Спи, усни». Лиза сладко зевнула и провалилась в глубокую дрему.

6

Проснулась она ни свет ни заря. За окном только-только забрезжил рассвет. Громко пропел соседский петух. Лиза вылезла из-под одеяла, сунула ноги в теплые войлочные тапочки, специально купленные для сельской жизни. Не торопясь, застелила кровать льняным бабушкиным покрывалом и отправилась в гостиную. Печь за ночь слегка остыла, но все же дом держал тепло. Лиза надела байковый халат, умылась ледяной водой из ковшика, почистила зубы и включила самовар.

– Молочко! – раздалось из-за забора. – Кому молочко? Козье! Хозяйки, кому молочко?

Лиза поколебалась и накинув на плечи пальто, выбежала во двор. За калиткой стояла пожилая женщина в платке и ватнике. В руках у нее были две пятилитровые баклажки. Увидев Лизу, молочница обрадовалась.

– О как! Я гляжу, у Серафимы родня объявилась. Бери молочко, милая, не пожалеешь. Оно у меня вку-усное!

– Почему? – спросила Лиза.

– Литр пятьдесят рублей. Бери сразу пять. Вскипятишь, и будет стоять хоть неделю, хоть две. А коли скиснет, тоже неплохо – творог получается знатный. Бери, дочка.

– Сейчас, за деньгами схожу. – Лиза было толкнула калитку, но женщина остановила ее. – Деньги потом можно. Накопится чуток, сразу и расплатишься. Так что, берешь баклажку?

Лиза прикинула – куда ей одной столько молока? Она вообще козье почти не пила, да и коровье особо не жаловала. Однако под просительным взглядом молочницы ей стало неловко. А, будь что будет! В конце концов она теперь может себе позволить.

– Беру. – Лиза махнула рукой.

– Вот и умница. Ты кто Серафиме-то будешь? Не видела я тебя прежде.

– Внучка я ее. Приезжала сюда несколько раз. С мужем.

– С мужем, – задумчиво произнесла молочница и протянула ей баклажку. – А где ж муж? Спит, поди?

– Умер, – коротко ответила Лиза и взяла молоко.

– Царствие небесное. – Тетка перекрестилась. – Экая беда. Он что ж, сильно старше тебя был?

– Нет, ровесник.

– Вот те на. А что ж помер? Пил?

– Не пил. Просто сердце слабым оказалось. Инфаркт. – Лиза подавила судорожный вздох.

– Бедолага ты моя, – сочувственно произнесла молочница. – Как же ты одна-то? У нас тяжело без мужика. У меня вон дед, и тот – скрипит, а дела делает. Крышу мне прошлым летом справил, щас потеплеет, сарай будет чинить. Ты, дочка, если что, к Ивану обращайся. Он у нас тут один трезвый. Остальные либо пьянь, либо больные. Молодежи вообще нет. Иван через три дома от тебя живет. – Женщина махнула освободившейся рукой.

«Как сговорились они все про мужскую помощь», – с досадой подумала Лиза, а вслух сказала:

– Да, конечно, если что, буду обращаться.

– Ну, заболталась я с тобой. – Женщина поудобней перехватила оставшуюся баклажку. – Побегу дальше. У меня таких банок еще пять штук дома. Надоть все пристроить.

Она тяжело побрела дальше вдоль заборов, продолжая нараспев покрикивать:

– Молочко! Кому молочко?

Лиза вернулась в дом. Прежде чем поставить молоко на печку, она не удержалась и налила себе стакан. Молоко действительно было невероятно вкусным, сладким и холодным настолько, что от него сводило зубы. Лиза мелкими глотками выпила все до дна. За окнами

совсем рассвело. Петух честно горланил через каждые полчаса, и Лиза поняла, что будильник тут ни к чему. А впрочем, зачем ей теперь будильник? На службу идти не надо, кормить Женьку – тоже. Можно спать, сколько захочется.

От этих мыслей на глаза навернулись слезы. Лиза сердито вытерла их рукавом халата. Хватит плакать! Да и некогда. Дел столько, что и за неделю не управишься. Во-первых, нужно разобраться с газом. Узнать, где заправляют баллоны, нанять кого-то, чтобы съездил. Затем поискать по деревне того, кто мог бы заняться канализацией. Мыться из ковшика Лизе явно не улыбалось, нужен нормальный душ, а в идеале и туалет наподобие городского. Ну и не худо бы подправить забор, крыльцо подремонтировать.

Лиза решила обратиться к тому самому Ивану, о котором говорила молочница. Пусть возьмется за дело. Нужно будет навестить его ближе к вечеру. А пока она принялась разбирать свой многочисленный скарб, привезенный из московской квартиры. Чтобы было не скучно, Лиза включила древнее бабкино радио – то на удивление исправно работало. Она поймала ретроволну и под голос Анны Герман отмыла и очистила шифоньер. Развесила на плечиках одежду, внизу аккуратно расставила коробки с обувью.

Затем она взялась за книги. Книги были Лизиной страстью. Читать она научилась в четыре года и с тех пор глотала все запоем. Женька смирился, что дома у них целых два книжных шкафа, да не каких-нибудь, а четырехстворчатых. Лиза регулярно посещала книжные магазины, а также развалы, где продавалась букинистика. Помимо русской и зарубежной классики ей нравились и современные авторы – Пелевин, Сорокин, Улицкая, Петрушевская. Лиза не могла вспомнить ни дня, прошедшего без чтения. Кроме того, ей нравился сам запах книг, особенно старых, с пожелтевшими страницами и пыльными переплетами. Она любила вдыхать его, трогать и гладить обложки. Ей казалось, что книги хранят древние секреты, которые так интересно и увлекательно разгадывать на досуге.

Лиза раскрыла дверцы бабкиного книжного шкафа. Полки были полупусты. На некоторых вместо книг стояли фарфоровые статуэтки, сидели смешные куколочки в пышных воздушных платьицах, розовощекие и золотоволосые. Лиза подивилась, откуда такие у бабушки в деревне, но потом вспомнила, что дед прошел всю войну до самого Берлина. Стало быть, куклы и безделушки – военные трофеи.

Лиза осторожно убрала кукол, пересадив их на комод, и, намочив тряпку, принялась вытирать пыль. Постепенно она дошла до самой верхней полки, и тут ее ждал еще один сюрприз: в углу притаилась деревянная, резная шкатулка. Лиза сняла с нее крышку. Внутри лежала пухлая, разбухшая колода карт. Она взяла ее в руки, и на нее пахнуло слабым запахом аниса. Странно. Бабушка, кажется, не умела играть в карты. Во всяком случае, Лиза не помнила, чтобы у той имелась такая колода. Карты были очень старые, такие сейчас не печатают. Тузы изображались в виде солнца, короли – верхом на конях, дамы – лежащие в будуарах, полуодетые. Лиза с интересом разглядывала картинки. Затем она аккуратно сложила колоду по порядку – сначала светлые масти, затем темные – и убрала обратно в шкатулку, оставив ее на том же месте, где и нашла, в самом углу верхней полки.

Потом Лиза принялась расставлять книги. Сверху классика, внизу современные авторы, в самом низу – фантастика и детективы. Закончив, она полюбовалась своей работой. Книжки стояли, корешок к корешку, словно приглашая немедленно взять их в руки и прочитать. Чисто вымытые стекла поблескивали в свете лампы. Лиза погладила высохшие шторы и развесила их на карнизы. Ей показалось, что дом ожил. Она могла поклясться, что слышит неясный, тихий шорох. В нем словно угадывались слова: «Здравствуй, здравствуй. Теперь ты тут хозяйка. Я очень рад».

Лиза растопила печь, накинула вязаную шаль и позволила наконец себе пообедать. Вообще-то это скорее был ужин: за окнами снова была темень. «Не пойду сегодня к Ивану, – решила Лиза. – Завтра». Она налила себе чаю, взяла ванильный сухарик и села с книжкой

в бабулино кресло-качалку. Ничего нет уютней, чем коротать вечер с книгой в руках, покачиваясь под треск поленьев в печке. Лиза подумала, что для полного счастья ей не хватает кошки. Или кота. Милого такого, пушистого увальня, чтобы спал у нее на коленях, мурлыкал и пил молоко из блюдечка. «Надо поспрашивать соседей, вдруг у них есть кошка, которая недавно принесла котят. Возьму серого. Или нет, белого. Нет, все же серого. В полоску».

Из приоткрытой двери спальни доносилось тиканье ходиков. За окном снова пел петух. Лиза читала «Поющие в терновнике», вернее, перечитывала в десятый раз. Бывает же на свете настоящая любовь! Такая, за которую и умереть не жалко, как была у них с Женькой. Она листала страницы, не замечая, что по щекам ползут слезы. Стекла тоже плакали каплями первого весеннего дождя. Начинался апрель.

7

Назавтра она зашла-таки к Ивану. Тот оказался низкорослым, бородатым мужиком в куртке и надвинутой по самые брови кепке. Он возился во дворе с лопатой, раскапывая какую-то яму.

– Привет, соседка, – дружелюбно поздоровался он. – Наслышан уже. Бабка Клавдия раззвонила. Значит, ты Серафимина внучка? Вон какая. – Иван окинул Лизу цепким взглядом из-под козырька. – Бабка твоя, царствие небесное, отличная женщина была. Хозяйство вела справно, пироги у нее водились каждый вечер. Мы, ребятами, любили к ней в хату завалиться. Угощала она нас, ничего не жалела. Эх, Серафима, Серафима... Хорошо пожила, вволю. Ты на нее похожа.

– Не может быть, – не поверила Лиза.

Бабушка Сима была пышная брюнетка, яркая, краснощекая даже в старости. А Лиза – худенькая, светловолосая, голубоглазая и белокожая. Женька в шутку называл такой цвет лица дворянской бледностью, намекая на ее отца, интеллигента в третьем поколении.

– Ей-богу, похожа, – подтвердил Иван. – Взгляд такой же. И осанка. Что ж, будем дружить. – Он воткнул лопату в землю и протянул Лизе квадратную, мозолистую ладонь. – Если надо чего, не стесняйся, проси по-соседски.

– Газовый баллон заправить нужно. А еще туалет бы переделать. Воду в дом провести. – Лиза посмотрела на мужика с надеждой.

Тот нахмурился и покусал губу.

– Газ я тебе заправлю. Послезавтра в райцентр поеду, захвачу твой баллон. А насчет сортира – это сомнительно. Вода здесь близко стоит, если трубы класть – с умом надо делать. Материал нужен опять же. Выйдет это в копеечку.

– Я заплачу, – с готовностью проговорила Лиза.

Иван посмотрел на нее с любопытством.

– Откуда ж у тебя бабки? Ты ж не работаешь, как я понимаю.

– Не работаю. Квартиру сдаю. У меня хорошая, большая.

– Вот так, значит. – Иван понимающе покивал. – Это хорошо, что деньги у тебя водятся. Да только все одно: воду я тебе в дом не проведу. Нужен специалист. Съезди в поселок, там есть сантехник. Заплатишь ему, он тебе все и устроит в лучшем виде.

– Хорошо, так и сделаю, – согласилась слегка разочарованная Лиза.

Ей казалось, такой пустяк может сделать любой мужик. Женька бы соорудил в два счета. Но ничего не попишешь, придется довольствоваться тем, что есть. Они договорились, что Иван послезавтра зайдет к ней за баллоном. Лиза вернулась домой и занялась хозяйственными делами: помыла окна, отдраила плитку, разобралась в сенях, заваленных старым хламом. Ближе к вечеру она решила устроить себе перерыв и пообедать. Однако, едва Лиза села за стол, в калитку постучали.

– Входите, – крикнула она из окна, полагая, что это Иван.

Может, пришел взглянуть, как она устроилась? Но это был не Иван. Во двор вошла высокая, дородная женщина лет сорока с небольшим. Волосы у нее были небрежно уложены в пучок, под мышкой она держала какой-то сверток.

– Вечер добрый, хозяйюшка, – поздоровалась гостя низким, грудным голосом. – Позволь зайти?

– Конечно входите. – Лиза вышла в сени.

Женщина сняла у порога заляпанные грязью резиновые ботинки и босиком прошла в комнату.

– Знакомы будем. Марина я. Соседка ваша. – Она сунула Лизе сверток. – Вот, угощайтесь. Пирог это, с грибами. Грибы сама по осени собирала. Всю зиму стоят. Вкусные.

– Спасибо. – Лиза взяла сверток. От него шел чудесный аромат. – Садитесь со мной обедать, – пригласила она гостью.

– Какой обедать? – засмеялась та. – Время ужинать. Мы с петухами встаем. В десять уже спим.

– Ну тогда чай пить. С пирогом.

– Чай – это с удовольствием.

Марина чинно присела к столу, спрятав под стул босые ноги с огромными ступнями. От предложения дать ей тапочки, она категорически отказалась. Они с Лизой пили чай, ели пирог и беседовали. Марина оказалась медсестрой в местной поликлинике, которая находилась в пяти километрах от деревни. Ей муж, Артем, работал шофером в райцентре на мясокомбинате.

– Коли не пил бы, золотым парнем бы был, – пояснила Марина.

У них с Артемом были две дочки-погодки, Аня и Катя. Все четверо родились в Сомове и жили тут всю жизнь. Марина училась в Тульском медучилище, Артем служил на Севере, там и шоферить научился. После учебы и службы вернулись в родную деревню, где и поженились. Все это Лиза выслушала в течение получаса, пока Марина не закрывала рта.

– Ну а вы-то как? Надолго к нам? Тетка Клава сказала, что насовсем. Жить будете здесь?

– Буду.

– А лет-то вам сколько? – бесцеремонно поинтересовалась Марина.

– Пятьдесят два.

– Как сестре моей. У нее уже внук старший в школу ходит. – Соседка неловко замолчала и виновато посмотрела на Лизу. – А у вас дети есть? Внуки?

– Нет. Ни детей, ни внуков. Муж был, он умер. Недавно.

Марина сочувственно вздохнула.

– Тяжело одной-то. Скучно, поди?

– Не скучно. Вон дел сколько!

– Дел-то всегда полно, особенно на селе, – согласилась Марина. – Ну а потом, когда все сделаешь? И поговорить не с кем.

– Я книжки читаю, – сказала Лиза.

– Книжки? Разве ж это интересно?

– Конечно. Вон сколько у меня. – Она с гордостью указала на книжный шкаф. Марина посмотрела на нее с удивлением.

– Это что, целый шкаф и все книги?

– Конечно. Смотрите, вон Пушкин, Тютчев, Маяковский. А там, пониже, Бальзак, Драйзер.

– Как это вы их всех по фамилиям помните? – не поверила Марина.

– Кто ж их не помнит? – засмеялась Лиза. – Это писатели с мировым именем.

– Ну вы, однако, даете! – Марина решительно поставила чашку на стол. – Никогда таких людей не видела. У нас с Артюхой дома книжек десять есть. И у Катки с Анюткой столько же. Но они не любят читать, им мультики подавай. Вон, купили им ноутбук в кредит в прошлом месяце, так теперь дерутся за него. А вы – книги... – Марина встала из-за стола. – Ладно, пойду. Заговорила вас. А дома куры не кормлены. И девчонок ужином надо кормить. Мужик-то мой сегодня в ночную.

Она зашлепала по полу к двери. Лиза вышла следом – проводить.

– Работы у вас тут начать и кончить, – проговорила Марина, осматриваясь. – Дом-то на ладан дышит. Крышу надо чинить. Бревна гниют, пропитывать нужно. Я б Артюху вам

прислала, да он и дома почти не бывает. А придет – напьется, только и делов у него, что в постели храпеть.

Лиза молчала. Ей было неприятно слушать Марину. Будто она и так не знает, что дом у нее старый и требует вложений! Но что поделать, если в Сомове работников раз-два и обчелся.

– До свиданьица. – Марина стала спускаться с крыльца. Лиза хотела было захлопнуть за ней дверь, но тут она остановилась и обернулась: – Слушайте! И как мне раньше в башку-то не пришло!

– Что? – не поняла Лиза.

– Ну вы ж книжки так любите. А у нас аккурат две недели как библиотекарша померла, баба Глаша. Старая была. А книги обожала, вот прям как вы.

– В Сомове есть библиотека? – не поверила Лиза.

– Есть. Да какая! Мы с подружками еще в школе в нее бегали. Компьютеров тогда не было, телик мамки смотреть не разрешали. Вот и ходили в библиотеку, кто-то читал, а я просто картинки разглядывала.

– Интересно, – проговорила Лиза. – Надо будет сходить, глянуть.

– Зачем глянуть? Работать идите! И нам польза, и вам веселее будет. И денежка хоть какая. Деньги, они лишними не бывают.

– А возьмут меня? – усомнилась Лиза. – Я ведь человек новый, считай посторонний. И образования у меня специального нет.

– Какое там образование, – отмахнулась Марина. – У бабы Глаши три класса было, а она свое дело знала. Вы сходите к председателю сельсовета. Он на соседней улице живет. Дом кирпичный, двухэтажный. Поговорите с ним, он вас быстро оформит.

Марина запахнула пальто и побежала по тропинке к калитке, оставив Лизу в сомнениях. Работать библиотекарем после должности старшего инженера? Снова стать нужной, приносить людям пользу... Интересно, что за библиотека в Сомове? Небось четыре полки, пятьдесят книжек?

Лиза вернулась в дом. Щи успели остыть, но после чая с пирогом есть не хотелось. Она села к столу, задумчиво подперла щеку ладонью. А ведь медсестра права: сейчас она отмоет дом, наведет порядок. А дальше что? Заняться огородничеством? Стоять все лето кверху задом на грядках? Нет, это совсем не ее. Что же тогда? Вокруг одни деревенские, все заняты с утра до ночи. Небось и поговорить будет не с кем. А тут какая-никакая, да работа. Раз существует библиотека, есть и читатели. Лиза сможет помочь им выбрать книги по вкусу, что-то подсказать, объяснить...

Она встала и подошла к комоду, на который вчера поставила Женькину фотографию. Он смотрел на нее и улыбался. В уголках губ залегли тонкие морщинки. Как она любила целовать их, эти губы, такие сладкие, горячие... Лиза смахнула с ресниц слезинку.

– Ну что ты думаешь по этому поводу? – спросила она у Женьки. – Молчишь? Боишься, что не справлюсь? А я справлюсь. Вот увидишь! Из меня выйдет отличный библиотекарь.

Ей показалось, что Женька смотрит как-то по-другому, ободряюще. Он слышал ее! И хотел показать, что верит в ее успех. Лиза вздохнула, уже привычно погладила фотографию, отошла от комода и принялась убирать со стола. Она твердо решила, что сходит к председателю и попросит себе новую должность. Будто в ответ на ее мысли за окном громко прокукарекал петух.

8

...Михайловна смотрела на постояльцев с полубрезгливой жалостью: мать честная, ну и доходяги! У бабы не лицо, а сплошные скулы, обтянутые синеватой, бескровной кожей. Только глаза и светятся, горят, точно у голодной, бездомной кошки. И девчонка жметя к мамке, платьишко короткое, срам, такие в деревне не носят. Коленки торчат расцарапанные. Ножки, как прутики. Шейка, точно у цыпленка, коснись – и переломится.

– Ну что зыришь, Антонина? Веди гостей в дом. – Председатель хмуро оглядел пустой двор и взялся за ручку одинокого чемодана, стоящего у крыльца. – Давай, давай. – Видя, что Михайловна колеблется, он слегка подтолкнул ее в бок.

Та ожила и что-то бормоча себе под нос, засемила в горницу. Позади, стуча по полу костылями, тяжело прыгал на единственной ноге председатель. За ним, почти неслышно, плелись мать и дочь. Михайловна привела их в чистенькую, светлую спальню.

– Вот, что ли. Располагайтесь. – Она кивнула на кровать.

Женщина тихо проговорила:

– Спасибо. – И осталась стоять у порога.

Девчонка по-прежнему жалась к ее боку и молчала. В глазах у нее стояли слезы.

– Ну, я пошел. – Председатель бухнул чемодан на чисто вымытый дощатый пол. – Смотри, Тонь, жильцов не обижай. Узнаю что, накажу.

Он повернулся и так же грузно запрыгал по скрипучим половицам обратно к дверям.

– Фронтовик? – спросила глазастая, дождавшись, пока затихнут его шаги.

– Фронтовик, – подтвердила Михайловна. – Теперь уж бывший. Отвоевался, сокол. Ну а вы откель будете?

– Из Ленинграда, – едва шевеля губами, ответила женщина.

– Блокадники небось. – Михайловна с гордостью выговорила сложное слово.

– Да, – прошелестела гостья.

– Голодали небось.

– Да.

– Ну, господь с тобой, – смягчилась Михайловна. – Откормим вас. Картохи в подполе осталось немного. Огурчики соленые есть. Мяса-то мало, почитай все отобрали для фронта. Зато гречу не тронули. И пшеницы малек я припрятала. Зорька молока дает, будешь девку свою отпаивать. Глядишь, и тело нагуляет. Как звать-то вас?

– Меня Ольга. Ее Светлана. – Глазастая обняла дочку.

– Имена хорошие. – Михайловна одобрительно покивала. – Ну, вы располагайтесь, мешать не стану. Воды, если нужно, в бочке возьмите. Стряпать сама можешь, продукты я тебе выдам. А так, коли чего – спрашивай, подмогну.

– Спасибо, – тихо сказала Ольга.

Михайловна ушла, с трудом переставляя распухшие ноги в огромных, не по размеру, валенках. Ольга еще немного постояла у порога, затем прошла в комнату и без сил опустилась на кровать. Светка примостилась рядом, нахохлившись, как испуганный воробышек.

– Мам, а мы что, теперь будем тут жить?

– Да, милая.

Света сморщила курносый носик.

– Мам! Я не хочу-у...

Из ее глаз закапали крупные, прозрачные слезинки. Ольга погладила дочь по белокурой головке.

– Ну чего ты, дурочка? Что плачешь? Мы будем кушать досыта, гулять на свежем воздухе. Тут нет бомбежек, а в доме есть печка. Станет холодно, сможем ее топить.

– Н-не хочу здесь. Х-хочу домой. В нашу квартиру. И чтобы папа... был с нами.
При слове «папа» Ольгу как ножом по сердцу резануло.

– Ты же знаешь, Света, папы нет. Он на фронте, бьет фашистов, чтобы они скорее сдохли и мы могли вернуться в свой город.

Света молчала. Глаза ее были красными, но плакать она перестала, лишь тихонько шмыгала носом.

– Мам!

– Что, детка?

– А когда папа побьет фашистов, он сразу приедет и заберет нас отсюда домой?

– Конечно, милая. Сразу приедет. – Ольга не смогла подавить тяжелый вздох.

Три месяца, как от Виктора нет ни одного письма. Ольга пишет чуть не каждый день, а в ответ тишина. Она ждет похоронку. Ей даже ночью снится, как почтальон приносит конверт с вестью о том, что мужа больше нет, пал смертью храбрых на полях сражения. Во сне Ольга рыдает, заламывая руки, а в реальной жизни молчит. Внутри все окаменело. Даже мучительный голод терзает не так, как вначале, осенью и зимой. Ольга через силу разговаривает, улыбается дочке, пытается что-то делать по дому. Растопить буржуйку старыми журналами и обломками деревянных стульев. Сварить из пайки хлеба похлебку, добавив в нее щепотку муки. Подмести пол, засыпанный щепками. Заплести Свете косичку. Нехитрые дела, а вот нет на них никаких сил. Кажется, ее саму запечатали в конверт, и летит она по городам и весям, от одного почтового пункта до другого, рот склеен, руки склеены, веки склеены, не расклеишь...

Ольга почувствовала холод и очнулась. Привычно тронула Светку за нос – ледяной. Тотчас из соседней горницы раздался скрипучий голос Михайловны:

– Шас затоплю, станет тепло.

«Будто мысли читает», – с удивлением подумала Ольга.

– Вставай, – сказала она Светке. – Нужно переодеться. Достань из чемодана штаны, фуфайку и теплые носки.

– Не хочу штаны, – заканючила Светка. – Не люблю! Я в них, как мальчишка. Я лучше в платье.

– Свет, тут тебе не Ленинград. Это там девочки ходят в коротких юбочках. А здесь деревня. Над тобой смеяться станут.

– Не станут, – отмахнулась Светка и насупила белесые бровки.

Ольга невольно улыбнулась. Как похожа дочка на Виктора! Такая же светловолосая, курносая, упрямая до жути. Ольга сама с густыми, роскошными каштановыми волосами, каре-зелеными глазами и тонким, породистым носом с едва заметной горбинкой. По бабушкиной линии все у них дворянского происхождения. Прабабка Ольги аж в Смольном училась. Прадед был царским офицером. Отсюда и Ольгина внешность, тонкая кость, изящные холеные руки с длинными, худыми пальцами. Виктор в шутку любил называть ее «моя барыня». Ольга не обижалась. Как-то так получилось, что у нее с простым крестьянским парнем было полное счастье и взаимопонимание. Ольга играла на рояле, Витя на гармошке. Она читала Тютчева и Блока, он – Хлебникова и Маяковского. Она пела романсы, он – «Марсельезу». И каждому было интересно послушать другого. А Светка – та просто обожала отца. Когда шли на демонстрацию – он непременно нес ее на плечах, и она точно парила над улицами, бульварами и площадями – щеки розовые, в косичках алые ленточки, в руках – красный флажок.

– Мам! Смотри! Я выше все-ех!!.

– Ладно. – Ольга поправила выбившуюся из пучка темную прядь. – Как хочешь. Ходи в платье, только хоть кофточку накинь. Пока еще печка растопится.

– Кофточку накинута, – милостиво согласилась Светка и открыла чемодан.

Они вместе принялись разбирать вещи, – то небольшое, что успела Ольга сложить, когда узнала, что завтра их эвакуируют. Светка достала связку своих учебников, аккуратно расста-

вила их на единственной полке, висевшей у окна. Ольга поискала глазами, обнаружила в самом углу старинный шифоньер и раскрыла его. Он был почти полностью занят вещами хозяйки: длинные цветастые юбки, вышитые рубашки, жилетки. Ольга робко сдвинула пару плечиков и на освободившееся место повесила свой костюм, бархатное платье, несколько юбок и блузок. Затем извлекла из недр чемодана старинную шестиугольную шкатулку из слоновой кости – бабушкино наследство. Там лежали все ее украшения, а также золотой медальон с фотографией родителей. Она подумала и, обернув шкатулку в газовый шарфик цвета бирюзы, засунула ее в глубь самой верхней полки. На этом их обустройство на новом месте закончилось.

Светка посмотрелась в круглое зеркальце, висевшее над комодом, поправила ленточки в косичках и робко произнесла:

– Кушать хочется.

Она знала, что эта фраза под запретом. Но иногда ее все-таки прорывало.

– Да. Сейчас. – Ольга покопалась в стареньком холщовом рюкзаке и вытащила эвакупак: краюшку ржаного хлеба и банку кильки.

Светка схватила горбушку и жадно впиалась в нее зубами. Миг – и от хлеба остались лишь крошки, которые она молниеносно собрала и кинула в рот. Килька осталась сиротливо стоять на столе.

– Мам...

– Что? – Ольга устало ссутулилась.

– А тетя говорила, что у нее картошка есть...

Светка с опаской покосилась на неприкрытую дверь, словно обсуждала план хозяйкиного ограбления.

– Света, что говорила тетя, тебя не касается, – строго сказала Ольга. – Мы только приехали. Неприлично сразу же требовать еду.

– Но ведь она сама предлагала, – не унималась дочка, снедаемая изнутри лютым голодом, который разгорелся очень давно, но так и не нашел удовлетворения. – Давай, я сама у нее спрошу? А? – Голубые глаза взглянули на Ольгу с мольбой.

– Сиди, горе ты мое. Я сама. – Ольга закрыла шкаф и быстро вышла из комнаты.

Михайловна, согнувшись, кидала в печку поленья. Трескучий огонек весело отплясывал причудливый танец на деревяшках. На большом деревянном столе, захлебываясь от гнева, булькал самовар.

– Простите, пожалуйста, – начала Ольга и запнулась.

Она не знала, как обращаться к старухе. Вроде председатель звал ее Тоней, но ведь неприлично как-то по имени в таком почтенном возрасте. Хозяйка сама пришла ей на помощь.

– Михайловна я. Так и зови, ежели что. Хотела что-то?

– Хотела. Вы простите, Антонина Михайловна, но не могли бы вы дать нам немножко картошки? Две или три? Я бы дочке сварила.

– Отчего ж не могу? – Старуха кряхтя разогнулась. – Ты, девка, вот что – спустись в подпол. Тазик вон возьми. Набери картошки из мешка. Я всем сварю: и вам, и мне. Давай. – Она взяла с приступки большую алюминиевую миску и протянула ее Ольге.

Та кивнула и, обрадованная, полезла в погреб. Там было холодно и сыро, вдоль стен стояли деревянные бочки с соленьями, по углам – мешки с крупами и овощами. При виде всего этого добра Ольга почувствовала, что ее мутит. Она не ела картошку с октября, а сейчас конец марта. Ни огурцов, ни капусты, ни гречки, ни пшеничного хлеба. Ничего, кроме черной горбушки и нескольких ложек пустой похлебки, заваренной горсткой серой муки. Неужели можно будет сварить настоящий суп, сделать Светке кашу с молоком, пожарить картошку с луком на постном масле? Ольга точно замороженная, не в силах оторвать взгляда от мешков с продуктами набрала в тазик картошки. Она поколебалась немного и, воровато оглядываясь, припод-

няла крышку одной из бочек. Схватив двумя пальцами огромный склизкий огурец, она спря- тала его в карман юбки. Затем быстро захлопнула крышку и стала подниматься.

Самовар уже не булькал, а стоял высокомерный и пылающий. Михайловна шуровала в печи закопченной кочергой. Лицо ее было красным от жара.

– Достала? – спросила она Ольгу. – Давай сюда. А сама возьми на столе молочка в кринке. Девке дашь попить, а то она у тебя, как кикимора болотная, зеленая вся.

Михайловна сполоснула картофелины из ковша и, погрузив в чугунок, сунула в печь. Ольга налила из кринки молока в стакан и отнесла Светке.

– На, пей.

– Что это? Молоко? Настоящее?? – Света запрыгала вокруг Ольги. – Господи, молочко! Коровкино молочко!! – Она отпила глоток. – Вкусное какое! – И выдула все залпом. Потом посмотрела на мать и смутилась: – Ой. Я тебе не оставила. Прости, мам. Я нечаянно. Так вкусно!

– Оставь, – отмахнулась Ольга. – Это тебе. Антонина Михайловна угостила. И еще там картошка варится.

– Ура! Ура! – Светка принялась тормошить мать, обнимать и целовать. – Какая она доб- рая, эта тетя... Антонина Михайловна. А я сначала подумала, что злая.

– Отчего же ты так подумала? – удивилась Ольга.

– Не знаю. – Света пожала плечами. – Она так смотрела на нас, когда мы приехали... Как будто не рада была.

– А чему радоваться? У нее и так почти все забрали для нашей армии. А тут еще нас кормить. И дом у нее тесноват для гостей. Так что никакой от нас пользы, только ущерб.

– Но ведь она не выгонит нас? – забеспокоилась Света. – Мы же не виноваты, что в Ленин- граде блокада! Кушать нечего, и холод, света нет и воды.

– Конечно, не виноваты. – Ольга заставила себя выдать улыбку.

Ей было тягостно и тревожно. Что, если Виктор и правда погиб? Как они будут жить без него? Когда же кончится эта проклятая война?

– Девоньки, за стол. Ужин готов, – донеслось из соседней комнаты.

– Идем. – Ольга обняла дочь за плечи. – Ты только смотри, сразу не наедайся. Тебе нельзя. Желудок не справится.

– Знаю, знаю. Нам в школе говорили, когда еще уроки были. Анна Николаевна расска- зывала про голодный понос.

– Вот-вот. – Ольга распахнула дверь и шагнула в гостиную...

9

Через день к Лизе пришел Иван, забрал баллон и погрузил на заднее сиденье своей потрепанной «Нивы». Напоследок он оглядел дом и покачал головой.

– Да, работы непочатый край. Ищите себе помощника, не то к осени крыша протечет. Да и сам дом сгниет к чертовой бабушке.

С этим напутствием он сел за руль и уехал, оставив Лизу в растерянности. Впрочем, грустила она недолго. Уже через час ноги сами несли ее к дому председателя. Калитка была заперта. Лиза узрела на кирпичном столбе звонок и надавила на кнопку. Та в ответ разразилась громкой мелодией. Через минуту, а то и больше, послышались шаги. Лязгнул замок. Перед Лизой предстал крепкий старикан в вэдэвэшной тельняшке и с сигаретой в зубах.

– День добрый. – Он с любопытством оглядел Лизу. – По какому вопросу?

– Здравствуйте. Вот хотела библиотекарем устроиться в вашу библиотеку. Я теперь живу у вас в Сомове. Соседка сказала, место освободилось.

– А, так это вы, значит, – осклабился мужик. Зубы у него были сплошь золотые. Он поскреб редкую седую шевелюру и пошире отворил калитку. – Ну, заходите.

Лиза вошла в широкий двор, наполовину вымощенный разноцветной плиткой.

– Слышал о вас. Наши кумушки на хвосте принесли. Даже знаю, как кличут – Лизаветой. Верно?

– Верно, – улыбнулась она.

Начало разговора ей нравилось, да и сам председатель тоже. Жаль только, что он совсем старый, а то можно было его нанять на хозяйственные работы.

– А ну покажись, какая ты, городская внучка Серафимы. – Дед обошел Лизу со всех сторон и одобрительно поцокал. – Хороша, ничего не скажешь. Худовата только, но тут это быстро пройдет. На одном молочке тетки Клавином станешь белой да румяной. Да и земля у нас богатая, если ты к ней с любовью, то и она тебя всем одарит. Будет и картошка, и огурчики-помидорчики.

– Конечно, – вежливо поддакнула Лиза и, видя, что разговор затягивается, несмело напомнила: – Ну а с библиотекой-то как?

– А что с библиотекой? – Старик снова почесал в затылке. – Завтра и выходи, стало быть, на службу.

– Завтра? – обрадовалась она.

– Конечно. Чего тянуть? В деревне ребятишек полно, им читать охота. А книг в домах нет либо кот заплакал. Ты читать-то сама любишь?

– Люблю! Еще как люблю!

– Ну вот и действуй. Бабка Глаша-то старенькая была, у нее там анархия царила. А ты помоложе и городская. Разберешься, что к чему.

– Разберусь!

Лизу охватило радостное возбуждение. Ей давали полную свободу действий! Она устроит все наилучшим образом. Сельчане будут довольны, а их детишки и подавно. В голове уже зрел план мероприятий: день поэзии, Пушкиниана, карнавал любимых героев и прочее. Она сделает из библиотеки местную достопримечательность, клуб по интересам! Люди будут ходить туда провести досуг. Нужно будет выпросить у председателя кофейный автомат, наверняка деньги у администрации имеются.

– Я тогда пойду? – спросила она у деда. – Нужно подготовиться к завтрашнему выходу на работу.

– Ступай, – согласился тот.

Он проводил Лизу до калитки и с грохотом захлопнул дверцу. Лишь придя домой, Лиза поняла, что не спросила председателя о важной вещи – своей зарплате. Но ей это было безразлично. Пускай хоть три рубля, зато сколько всего интересного ее ждет! И может быть, удастся хоть немного отвлечься от тоски по Женьке...

Лиза отыскала в кладовке бабкину гладильную доску и утюг, нагладила парадную белую блузку и шерстяную юбку, которые надевала в институт. Потом она долго стояла перед зеркалом, пытаясь уложить в пучок короткие светлые волосы. Наконец плюнула и просто зачесала их назад. На этом она сочла имидж сельской библиотечкарши завершенным. Для пущей убедительности не хватало лишь очков, больших, в круглой оправе. Но у Лизы было отличное зрение, и очков она не носила. Повертевшись еще перед зеркалом, она сняла вещи, аккуратно развесила их на спинке стула, умылась и легла спать.

10

Наутро ее уже привычно разбудил петух. Лиза встала, выпила чаю с молоком, съела приготовленную накануне пшеничную кашу и поспешила на другой конец деревни, где находилась библиотека. К ее удивлению, располагалась она в крепком деревянном доме, с резными петухами на окнах и красивым, явно новым крыльцом. На окнах висели кокетливые полотняные шторы. Во дворике было чисто убрано, возле дома красовались аккуратные клумбы, обнесенные кирпичиками. Некоторые были пусты, на других росли многолетники, заботливо подстриженные и укрытые от мороза геотекстилем.

Лиза по ступенькам поднялась в дом и толкнула дверь. Та оказалась запертой. Растерявшись, она пошарила глазами кругом и наткнулась на ключ, висевший тут же, на гвоздике. Лиза вставила его в замок, и дверь легко поддалась. Она очутилась в сенях.

В доме была холодрыга. Лиза, ежась, прошла в большую светлую комнату. В углу стояла русская печь, рядом лежали в ящике дрова. Все стены занимали полки с книгами. Напротив окна стоял новенький письменный стол, у окна – маленький диванчик. На подоконниках грустили поникшие цветы в горшках.

Обстановка Лизе очень понравилась. Все чисто, красиво, аккуратно. Перво-наперво она растопила печь, затем распахнула шторы. В комнату сразу проникло солнце, и стало еще уютнее. Лиза заметила на одном из подоконников электрочайник и банку растворимого кофе, а также пару чашек и ложки. Рядом стояла баклажка с питьевой водой. Пока печь разгоралась, Лиза сделала себе кофе и принялась осматривать стеллажи с книгами.

Старик-председатель был прав – никакого порядка в хозяйстве бабы Глаши не существовало. Книги стояли вразброд: русская классика вперемежку с современными зарубежными романами, стихи возле фантастики, детективы рядом с трагедиями Шекспира. Лиза не спеша пила кофе и планировала переустройство на книжных полках. Пожалуй, здесь у нее будет русская литература, тут – европейская. Справа, отдельным блоком – современные детективы и фантастика. Ну а слева всю стену можно отдать под детские книжки.

В печке пылали дрова, в комнате стало тепло и даже жарко. Забытый кофе остывал на столе. Лиза, сняв пальто и шапку, трудилась в поте лица. Она подставила два стула, и без конца то взбиралась на них, то спускалась на пол. Книжки, требующие ремонта, Лиза складывала на стол, и вскоре там образовалась огромная гора. Тогда она принесла из кладовки пару деревянных ящиков и бережно сложила туда часть раненых книг, с порванными переплетами и выпадающими страницами. Нужно будет на досуге все подклеить, благо скотч и клей – вот они, лежат в ящике стола.

Вообще Лиза должна была признаться себе, что прежняя библиотекарша, хотя и мало разбиралась в литературе, вела свое дело с душой. Все вокруг сияло чистотой, полы были тщательно вымыты, на подоконниках и полках – ни пылинки. Всюду стояли горшки с цветами, лежали вышитые салфеточки, словом, царил уют и комфорт.

К обеду половина книг была разобрана. Лиза отыскала в столе толстую тетрадь на пружинках и сделала опись книг, расставленных на полках. Она почувствовала голод. Прямо через дорогу находился маленький магазинчик. Лиза заперла дверь и наведальась туда. Купив буханку черного хлеба, плавленый сырок и несколько яблок, она принесла все это в библиотеку и устроила себе перекус. Едва она допила кофе, в дверь постучали.

– Можно? – спросил детский голосок.

– Конечно! Входи!

В комнату вошел парнишка лет десяти, краснощекий и взъерошенный.

– Здравсте, – поздоровался он с Лизой.

– Здравствуй, – улыбнулась та. – Ты кто?

– Я Вася, – серьезно ответил пацан. – А вы теперь тут вместо бабы Глаши?

– Так точно. – Лиза шутливо взяла под козырек.

– Ясно, – степенно произнес Вася. – А книжку можно взять?

– Обязательно. Какую ты хочешь?

Он пожал плечами:

– Не знаю. Какую-нибудь, чтобы там пришельцы были. Астронавты всякие.

– Тогда тебе вот эту. – Лиза вытащила с полки Кира Булычева. – Вот, смотри. Тут и про космос, и про пришельцев, и про девочку Алису из будущего. Даже фильм такой есть. Смотрел?

– Кажется. Не помню. – Вася покосился на лежащую на столе буханку. – А... можно горбушку? А то мамка ругается, когда я горбушки отгрызаю. А я их люблю ужасно.

– Можно и горбушку, – засмеялась Лиза и отрезала кусок от хлебного бока. – На, держи. Книжку берешь?

– Беру. – Вася впился зубами в мякиш.

– Как твоя фамилия? Я должна записать. И где живешь, улицу, дом.

– Пантелеев, Василий Петрович, – с достоинством проговорил мальчишка, жуя хлеб. – Улица Сиреневая, дом три.

– Сиреневая, три, – повторила Лиза и сделала пометку в тетради. – Книжку даю на две недели. Потом, если не успеешь прочесть, придешь на продление. Понял?

– Понял. До свидания. – Вася сунул книгу под мышку и скрылся за дверью.

В окно было видно, как он резво бежит по тропинке к забору. «Ну вот и первый посетитель», – подумала Лиза. Хорошо, если мальчишка поделится с друзьями известием о новой библиотекарше, и те из любопытства прибегут посмотреть. Она убрала хлебные крошки, сплоснула стакан и вернулась к работе.

К шести часам почти все книги были разобраны и расставлены в соответствии с новым порядком. На столе осталась лежать небольшая стопка. Это были те книги, которым не нашлось места в Лизиной системе. Она бегло проглядела каждую: пособие по беременности и родам, энциклопедия о жизни китов, сборник сказок народов тундры и на закуску толстенная книга с интригующим названием «Цыганские гадания». Каждая из книг вызвала у Лизы удивление: как могло такое занести в маленькую деревеньку? Она подумала и, сложив их в картонную коробку, унесла в подсобку бабы Глаши, задвинув глубоко под стол.

За окном послышался лязг отворяемой калитки. Лиза выглянула из-за шторки: по двору шел председатель. Он поднялся по ступенькам, широко распахнул дверь.

– Ну, я смотрю, работа кипит. – Он с уважением оглядел ровные корешки книг, выстроившихся на полках в ряды, как brave солдаты. – Помощь нужна?

– Да нет. – Лиза улыбнулась. – Вроде все получается.

– Гляжу, и с печкой справилась. Тепло у тебя. Народ-то приходил?

– Приходил. Мальчик Вася.

– А, это парикмахерши нашей сынок. Шибко умный. Далеко пойдет. Учится хорошо, все книжки читает.

– Я ему Кира Булычева дала, – похвасталась Лиза.

– Булычева? – Старик пожал плечами. – Не знаю такого. Гоголя – вот того помню. Читал. Про этого, как его... который сына собственного зарубил.

– Тарас Бульба, – с улыбкой подсказала Лиза.

– Вот-вот, бульба, – обрадовался председатель. – Картошка, значит, по-белорусски. Я сам родом оттуда, Сухиничи. Знаешь?

– Знаю, – кивнула Лиза.

– Ну пойду, не буду мешать. Да тебе, чай, пора уже домой. Рабочий день давно окончен. Ты вот что, девонька, напиши список – ну, чего там тебе требуется. Я денег выделю. Пусть

народец наш, чем пьянствовать, лучше к тебе ходит, книжки умные читает. Вижу, будет польза от тебя.

Последние слова привели Лизу в восторг. Не об этом ли она мечтала все последние дни – быть хоть кому-то полезной? Она тепло простилась с председателем и, тщательно убравшись в комнате, поспешила домой.

11

Прошла пара недель. На дворе заметно потеплело, мерзлая земля полностью очистилась от снега и оттаяла, стала жирной и влажной. На деревьях и кустарниках набухли почки. Лиза наслаждалась деревенской жизнью. По вечерам топила печь, умывалась колодезной водой, от которой весь день лицо было свежим и румяным. Пекла в духовке пироги, томила кашу, жарила картошку на деревенском сале, которым угостила ее Марина.

Каждый день начинался одинаково: с пения петуха Пети, который жил за забором у соседки Игнатьевны. Лиза вставала с рассветом, делала мелкие хозяйственные дела, завтракала и к восьми уже была в библиотеке. Односельчане быстро сориентировались, и в комнате теперь обязательно сидела пара-тройка человек. Кто-то пролистывал книги или журналы, кто-то приходил просто поболтать, пообщаться с доброй библиотечаршей. Лиза всем наливала чаю, угощала пряниками, запасливо купленными в сельпо. Советовала, что из литературы взять по интересам.

В помещении было тепло и светло. Она регулярно поливала бабы Глашины цветы, и те ожили, расправили листочки, зацвели пышным цветом. Администрация выделила ей приличную сумму на обустройство, и Лиза закупила все необходимое: клей, скотч, цветную бумагу, ножницы. Взяла она также несколько наборов цветных карандашей и фломастеров, бумагу для рисования, пластилин. Все это предназначалось для самых юных посетителей библиотеки. Лиза в углу у окошка устроила столик, за которым малышня могла лепить и рисовать, покуда родители повышали свой культурный уровень в так называемом читальном зале.

Словом, душа у Лизы пела. Она никогда не думала, что ее так затянет сельская жизнь, а главное, работа в деревенской библиотеке. Одно омрачало ее гармоничное существование: дом бабки Серафимы разваливался на глазах. Уже подтекала крыша, перила у крыльца окончательно сломались, в деревянных рамах гулял ветер, половицы скрипели так, что Лиза опасалась, не провалится ли она однажды в подпол. Иван, которого она с трудом звала еще раз, только руками разводил.

– Некогда мне. У самого работы невпроворот. Баню достроить нужно, за ней сарай. Поищи мужика помоложе да посвободней.

Легко сказать: помоложе! Лиза уже хорошо знала почти всех жителей Сомова. В основном это были старики и старухи, не считая нескольких семей вроде Марининой да парикмахерши Тони, у которой кроме Васи росли еще четверо детишек. Двое сомовских подростков, Гришута и Николай, заканчивали девятый класс и собирались летом уехать в город, поступать в колледж. Гришута, веснушчатый, добродушный паренек, с охотой согласился помочь Лизе.

Он долго прилаживал перекладину от перил, держа во рту гвозди, затем бил по ним с размаху молотком. Кончилось все тем, что он шарахнул себе по пальцу, скрючился от боли и с завываниями закружился по двору. Лиза охнула, завела непутевого работника в дом и там долго отпаивала его чаем с пастилкой, забинтовала расшибленный в кровь палец. На этом участие Гришуты в строительных трудах окончилось. Николай же, толстый, ленивый пятнадцатилетний увалень, выслушал Лизины просьбы и покачал обросшей головой.

– Не, тетя Лиз. Мне мамка не разрешает напрягаться. Говорит, болезный я.

Так и не нашла Лиза никого, кто бы ей помог. Она повздыхала, да делать нечего. Как-то утром в субботу притащила из сарая лестницу, залезла на крышу и законопатила щель, в которую сочилась дождевая вода. Получилось некрасиво, но вполне надежно: с потолка больше не капало, тазик, который Лиза переставил в угол, стал сухим и оказался без надобности.

Затем она так же, в выходные, запенила старые рамы, и в окна перестало сифонить. Оставались крыльцо и пол. С полом Лиза решила не заморачиваться, а крыльцо запланировала починить на неделе. Следуя своему плану, она купила гвозди, молоток и пилу-ножовку. При-

тащила все это домой и воскресным утром приступила к делу. Сначала Лиза отпилила край старых перил, затем подравняла края новых, смастеренных Гришутой. Приладила на место и принялась заколачивать гвозди. Получалось совсем не хуже, даже намного лучше. Не прошло и получаса, как почти все было прибито. Оставалась пара гвоздей. Лиза смахнула с вспотевшего лба прилипшие волосы и присела на ступеньку передохнуть.

– Тю, – неожиданно раздался над ее головой приятный молодой тенорок. – Это ж вот картина маслом – женщина с молотком!

Лиза вздрогнула и подняла глаза. Калитка была распахнута и на дорожке стояли двое: парень лет двадцати трех и девушка чуть постарше. Оба черноволосые, зеленоглазые, загорелые и красивые до умопомрачения.

– Здоровьица вам! – Парень приподнял кепчонку, лихо сидящую на волосах цвета воронова крыла, и улыбнулся, обнажив ослепительно-белые зубы.

– Добрый день, – растерянно проговорила Лиза. Отчего-то она почувствовала сильное смущение, словно ее застали посреди двора голой.

– Тарас, – представился черноволосый. – А это сестра моя, Гелена. Алена, значит, по-вашему.

– Очень приятно. – Лиза встала и подошла к неожиданным гостям. – Лиза. То есть Елизавета Антоновна.

– Зачем Антоновна? – Парень весело ухмыльнулся. Вид у него был чрезвычайно нахальный и привлекательный. От него словно летели вокруг флюиды сексуальности. – Просто Лиза. Вы ж еще не старая.

Слова его звучали довольно беспардонно, да и вообще тон был фамильярный и свойский. Однако Лизу почему-то это вовсе не оттолкнуло. Напротив, ей захотелось, чтобы парень и его сестра задержались у нее подольше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.